

Продолжаем начатую в № 47 публикацию материалов, посвященных истории Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Yuri SIMONOV “I want to be a conductor!”

An interview with an outstanding conductor, People’s Artist of the USSR Yuri Simonov. The famous musician recalls his years of study at the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, talks about his teachers and fellow classmates, shares his impressions of the musical life of Leningrad in the late 1950–1960s.

Keywords: Y. Simonov, M. M. Belyakov, I. L. Etigon, D. A. Rumshevich, N. A. Rabinovich, violin performance, conducting, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory.

Юрий СИМОНОВ «Хочу быть дирижёром!»¹

Интервью с выдающимся дирижером, Народным артистом СССР Юрием Ивановичем Симоновым. Знаменитый музыкант вспоминает о годах обучения в школе-десятилетке Ленинградской консерватории, рассказывает о своих учителях и соучениках, делится впечатлениями от музыкальной жизни Ленинграда конца 1950 — 1960-х годов.

Ключевые слова: Ю. И. Симонов, М. М. Беляков, И. Л. Этигон, Д. А. Румшевич, Н. С. Рабинович, скрипичное исполнительство, дирижирование, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории.

Дмитрий Брагинский. Юрий Иванович, расскажите, пожалуйста, как началась ваша «десятилетняя» жизнь? Сохранились ли в памяти самые первые впечатления о музыкальной школе Ленинградской консерватории?

Юрий Симонов. В десятилетку я поступил в 1956 году после окончания Саратовской Республиканской детской музыкальной школы-семилетки. К этому моменту я уже был вундеркиндом, поскольку ещё в 12-летнем возрасте удостоился чести дирижировать симфоническим оркестром школы. Конечно, можно было продолжить обучаться игре на скрипке в родном городе в Саратовском музыкальном училище (в классе того же преподавателя), а затем плавно перейти в консерваторию, которая в те годы славилась прекрасными педагогами. Но тут — как это всегда случалось и продолжает случаться со мной до сих пор — в ситуацию вмешалась судьба. Здесь необходим экскурс в историю, без которого многое будет непонятно.

После окончания войны, когда нас с мамой выгнал из съёмной комнаты вернувшийся с фронта сын хозяйки дома, мы некоторое время ночевали у соседей. В результате хождений по инстанциям нам, наконец, выделили на втором этаже деревянного дома тёмную комнатку типа чулана с условием, что мама согласится стать опекуном четырнадцатилетнего мальчика, оставшегося

после войны без родителей. Слава занимал большую светлую комнату, а в нашей комнате дневного света не было, и у меня начались проблемы со зрением.

Именно в это время кто-то посоветовал маме обратиться к депутату Областного совета И. В. Красовской — дочери последнего Директора Императорских театров В. А. Теляковского — друга Горького, Шалапина и многих выдающихся деятелей искусства начала века. В 1935 году Ирина Владимировна последовала за своим репрессированным мужем, Александром Васильевичем Красовским, бывшим обер-секретарём Синода, в ссылку в Атбасар (Казахстан). И только благодаря заступничеству её учителя, знаменитого академика Н. И. Вавилова, им разрешили переехать сначала в Горький, потом в Саратов, где она была приглашена в университет в качестве профессора биологии, а затем избрана депутатом. По её ходатайству нам предоставили на улице Советская, дом 39 (прямо против Обкома профсоюзов) бывшую прачечную — низенький деревянный домишко, но зато с двумя небольшими окошками во двор...

Когда Красовским, наконец, разрешили вернуться в родной город, они купили под Ленинградом дом, который впоследствии стал и нашим домом. Он располагался в прекрасном лесном массиве в центре посёлка Сиверский. Не слишком углубляясь в тему, необходимо сказать, что на почве любви к музыке наши «неполные»

¹ Текст публикуется с сохранением особенностей авторской орфографии и оформления текста.

«Хочу быть дирижёром!»

В МУЗЫКАЛЬНУЮ ШКОЛУ-ДЕСЯТИЛЕТКУ ЛОЛГК

З а я в л е н и е

Заполняется родителями поступающего

Гр. Сергеев Александр Сергеевич
фамилия, имя, отчество (подпись)

Прожив. в гор. Саратове

Адрес Советская 39 кв.7.

Телефон _____

Прошу принять моего сына Симонова Юрия
(имя, фамилия)

год рождения 1941 месяц Март число 4. в число
 учащихся 8 класса _____ Музыкальной школы - десятилетки
 по специальности скрипка

К заявлению прилагаю:

1. Метрическое свидетельство
2. 2 фотокарточки
3. Школьные табели
4. Справку с места работы
5. Справку от управхоза о составе семьи и количестве иждивенцев
6. Справку от врача о состоянии здоровья
7. Справку о прививках.

Подпись А. Сергеев

семьи (у них не было детей, а у меня — отца) настолько сблизилась, что после обстоятельного обсуждения ситуации нам с мамой было «категорически» предложено переехать вместе с Красовскими на новое место жительства.

...Не помню, какое произведение я играл для поступления в Ленинградскую десятилетку, но когда директор Мария Константиновна Велтистова вышла из кабинета, где проходило прослушивание, то сообщила, что я принят в 8-й класс школы, а по специальности распределён к профессору М. М. Белякову.

Я никогда не был высокого мнения о своем скрипичном таланте, поскольку с детства мечтал о дирижировании. Поэтому факт поступления воспринял как везение, ведь музыкальная десятилетка в те годы считалась школой особо одарённых детей, и попасть в неё было совсем непросто.

Как иногороднему мне полагалось общежитие, то есть интернат, но оказалось, что в тот момент моя койка была ещё занята мальчиком из Узбекистана по имени Нурик. Пришлось после занятий в школе уезжать ночевать на станцию Сиверская, которая находится в 60-ти километрах от Ленинграда, а на утро — тем же путём — назад.

Старенький поезд, отправляясь с Варшавского вокзала, преодолевал расстояние (со всеми остановками)

за два с лишним часа. Но если учесть время, чтобы добраться от десятилетки до вокзала и приплюсовать получасовую прогулку пешком от станции Сиверская до дома № 100 на Пролетарском проспекте, где жили Красовские, то выходило более трёх часов. А чтобы на следующее утро успеть на занятия в школу, надо было вставать в шесть утра. И так — каждый день.

В этом режиме я прожил несколько недель... Иногда поезда, идущие в сторону Луги и Новгорода, оказывались переполнены из-за скопления пассажиров перед Гатчиной. В таких случаях приходилось около часа стоять в тамбуре. А если на Варшавском вокзале опоздаешь вовремя вскочить в последний вагон, то не исключено, что придется некоторое время повисеть на подножке, вдыхая не только аромат полей, но и изредка долетавшую от паровоза сажу...

Конечно, я устал. Мало занимался и почти не делал успехов по специальности, что весьма огорчало моего профессора. Вот тут-то и проявились его исключительные человеческие качества. Переговорив с моей мамой, он предложил, чтобы до того времени, пока не освободится место в интернате, я ночевал бы у него дома. Сейчас мне трудно понять, как мама согласилась на это. Ведь сам факт проживания ученика в квартире педагога вносил в ситуацию несколько странный оттенок. Но, видимо, у мамы была настолько свежа память

М. М. Беяков
и В. А. Осокина

о наших послевоенных скитаниях, что она восприняла предложение профессора как добрый знак судьбы. Что касается меня, то угрызений совести я не испытывал. Мне было любопытно.

Теперь — немного моих воспоминаний о Михаиле Михайловиче² из книги, посвящённой этому замечательному человеку³.

«Беяковы жили на Крюковом канале, рядом с Театральной площадью, на последнем этаже черного, „шалыпинского“ дома, в довольно просторной квартире, где для ночлега мне была предоставлена маленькая комната. Завтракали на кухне. Жена Михаила Михайловича — Валентина Андреевна Осокина — была артисткой балета Мариинского театра. Она выходила к завтраку в красивом халате. Стол был сервирован на три персоны, но скромно. Ничего лишнего: несколько кусочков поджаренного хлеба, маслѐнка, маленький кувшинчик подогретого молока и небольшой кофейник. Ну и, конечно, сахарница. На большой тарелке лежали тонко нарезанные ломтики сыра и колбасы. Даже в трудные пятидесятые годы такой ассортимент показался мне скудным... Сегодня я вспоминаю об этом времени с нежностью и восхищением. Оба супруга выглядели стройными и здоровыми. Михаил Михайлович намазывал тончайшим слоем масла кусочек серого хлеба, затем

клял на него полупрозрачный ломтик сыра и, положив в кофе неполную ложечку сахара, довольно быстро расправлялся с едой. Валентина Андреевна уделяла завтраку ещё меньше времени; чувствовалось, что они не придавали этому ритуалу серьёзного значения...» После того, как я узнал, что Михаил Михайлович пережил блокаду, многое в его стиле жизни и поведении стало понятнее...

«...В те годы подготовка музыкальных кадров в Ленинграде была поставлена очень солидно... Казалось, что существовала непосредственная связь между всеми музыкальными учебными заведениями города. Это напоминало своеобразный конвейер, в котором ребёнок, если он оказывался по-настоящему талантлив, имел шанс пройти все три стадии обучения: одну из музыкальных школ-семилеток, затем десятилетку или музыкальное училище и, наконец, — при условии соответствия профессиональным требованиям — консерваторию. Главный же „фокус“ состоял в том, что некоторые преподающие в консерватории профессора имели ученика в десятилетке или училище, а их ассистенты преподавали в школах-семилетках. Этим достигалась преемственность в стиле преподавания, дающая в особых случаях поразительные по качеству и художественным достоинствам результаты». Достаточно назвать имена

² **Беяков** Михаил Михайлович (1907–1994) — мой педагог по скрипке, в те годы заведующий кафедрой скрипки и альты Ленинградской консерватории. *Здесь и далее — примеч. Ю. И. Симонова.*

³ Михаил Михайлович Беяков: Статьи, материалы, воспоминания / Ред.-сост. Л. Н. Гуревич. СПб.: С.-Петербургская гос. консерватория, 2007. 264 с.

«Хочу быть дирижёром!»

Б. Гутникова, В. Либермана, В. Селицкого, В. Спивакова, Г. Кнеллера, А. Фишера... «Не был исключением в этом плане и класс М. М. Белякова».

«...Занимался Михаил Михайлович со мной терпеливо. Сердился редко, хотя я этого заслуживал, ведь мой скрипичный талант не был выдающимся. Правда, я не был и серостью — всё-таки в первую в стране консерваторию попал не по благу! В те годы понятие о совести в приёмных комиссиях было ещё в моде, да и выбор — значительно больше, чем теперь...

...Репертуар моего обучения был не слишком разнообразен. Быстро поняв, что в моём лице он имеет дело с человеком, всерьёз увлечённым музыкой, Михаил Михайлович решил „подковать“ меня технически. После долгих месяцев карантина на нескольких видах гамм и арпеджио, а также на этюдах Донта и Шевчика, я получил, наконец, крупное сочинение — концерт Гольдмарка⁴! Надо признаться, что Концерт этот оказался для меня весьма сложным технически и настолько малоинтересным с музыкальной точки зрения, что я „жевал“ его почти год... Позже мне стало ясно, что добрейший Мих-Мих (как за глаза звали Михаила Михайловича его ученики) из самых лучших побуждений старался придать моей игре виртуозный блеск, видимо, для того, чтобы в дальнейшем я смог без помех наслаждаться красотами лирических мест, которых в концерте, увы, было не так много. Но, поскольку сам я в то время не мог подняться до понимания сути метода педагога, то во время исполнения фрагментов, которые мне нравились, упрямо напирал на эмоциональную сторону исполнения, пренебрегая при этом „голой“, как мне тогда казалось, техникой. Так как направление векторов наших усилий не совпадало, развивался я медленно и неровно. Мы оба нервничали — каждый по-своему, но особая деликатность профессора и моя природная выдержка не давали ситуации развиваться в открытый конфликт».

Спустя два года Михаил Михайлович внезапно перестал преподавать

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАЩЕГОСЯ:

Хорошие музыкальные и скрипичные данные. Отстаёт от уровня класса, особенно в техническом отношении. Серьёзный талант, но ещё не умеет по наиболее сложной профессионально работать дома.

ОТЗЫВ ПЕДАГОГА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ И КОДОВАЯ ОЦЕНКА:

В году хорошо работал, особенно в последние дни на концертах. Провёл большое количество этюдов, 2 Концерта, Сонату, пьесы. Очень музыкальный. Техническая база ещё недостаточна. Годовая оценка 4.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГОДОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Программа	Отзыв, оценка
Гам - Сицилиана	Чёткий ритм.
Мендельсон - Концерт (1-я ч.)	Технически хорошо, но отстаёт от уровня класса
	17-18/20 4.
	Ирина Львовна

в десятилетке. Одни говорили, что увеличился его класс в консерватории. Другие — что он получил какие-то дополнительные обязанности на кафедре, которые не позволяли ему расплыться на два учебных заведения⁵. Так ли это было на самом деле — мне неизвестно, но последние два года со мной занималась И. Л. Этигон⁶.

Ирина Львовна — высокопрофессиональный и умный музыкант, замечательный педагог по скрипке. Во время занятий со мной она никогда не раздражалась и даже была ласкова. Видимо, её природное педагогическое чутьё подсказывало — как лучше на меня повлиять. А может быть, она знала мою историю и хорошо понимала, что не сможет помочь мне стать по-настоящему хорошим скрипачом-солистом. Возможно, обо мне до неё доходили слухи, что в других проявлениях — игре в оркестрах, квартетах и камерных ансамблях — я имею потенциал развиваться более успешно. Про моё увлечение дирижированием она, конечно, знала, поскольку, проходя мимо фойе школьного зала, через стекло больших дверей могла видеть, что я не только помогал скрипачам младших классов освоить какую-нибудь сложную для них ритмическую фигуру, но и сам иногда оказывался за пультом — когда руководитель оркестра вдруг выражал желание послушать кусочек учебной программы со стороны... Словом, я без проблем получил диплом и, благодаря хорошей рекомендации, почти без экзамена снова оказался в классе М. М. Белякова — уже в качестве студента консерватории.

Д. Б. Когда вы начали серьёзно думать о дирижировании? Это произошло в школьные годы в Ленинграде или раньше?

⁴ **Гольдмарк** Карл (1830–1915) — австро-венгерский композитор. Концерт для скрипки написан в 1878 году.

⁵ Подробнее о М. М. Белякове можно прочитать в указанном выше сборнике его памяти.

⁶ **Этигон** Ирина Львовна — ученица профессоров Ю. И. Эйлина (1896–1958) и Д. Ф. Ойстраха (1908–1974).

Всё началось еще в Саратове. Мои родители⁷ служили в хоре оперного театра. Отца я, к сожалению, не помню, поскольку он был арестован спустя четыре месяца после моего рождения: как рассказывала мама — «за одну неосторожную фразу».

Я очень рано начал интересоваться дирижированием: в возрасте трех лет сам забирался на стул в ложе театра и, глядя в оркестровую яму, пытался подражать движениям дирижера. Собственно говоря, это было скорее игрой. В жизни многое впервые проявляется в виде случайностей или игры, но при наличии у ребенка явных признаков таланта, или хотя бы достаточных природных данных, «игра» может перерасти в серьезное увлечение, а позже — при благоприятном стечении обстоятельств — стать профессией.

Так случилось и со мной. При поступлении в Саратовскую детскую музыкальную школу, после обычных тестов — повтори ноту, простучи карандашиком ритм, напой мелодию, станцуй... — прозвучал последний и главный вопрос: «Мальчик! На каком инструменте ты хочешь играть?» Ответ оказался для членов комиссии сюрпризом: «Ни на каком! Хочу быть дирижёром!» «Но в школе нет дирижёрского класса. Выбери какой-нибудь инструмент!» «Хочу быть дирижёром!»

Тогда А. М. Мандель⁸, мамина знакомая и педагог по скрипке, сказала: «Ну, хватит с ним разговаривать!.. Пойдем, Юра. Будешь играть на скрипке!»

Эта минута навсегда решила мою дирижёрскую судьбу «со знаком плюс!» Если бы меня определили, скажем, на фортепиано, я, конечно, всё равно стал бы дирижером, но так чувствовать оркестр, как я чувствую его сегодня, и так быстро ориентироваться — *какой именно совет в случае необходимости дать струнникам* — я вряд ли бы смог.

В этой связи не могу не упомянуть о сопровождающем меня на протяжении всей жизни явлении, имя которому — *случай*. Вспоминая крутые виражи своей биографии, не перестаю удивляться: как часто судьба оказывается мудрее и дальновиднее человека! Как настойчиво она иногда подталкивает нас к решениям, которые, несмотря на их кажущуюся случайность, оказываются затем определяющими в выборе правильного — именно для нас — направления нашей деятельности!

...Зная о моей мечте, Анна Михайловна вряд ли приняла её всерьез: ведь профессия скрипача, будущего артиста оркестра, гораздо более востребована, чем далёкая от прозы жизни карьера дирижера. В голод-

ном послевоенном Саратове... стать дирижёром... такое никому не могло прийти в голову. Только в виде шутки: «Пускай помечтает, пофантазирует... Жизнь быстро обломает и поставит всё на свои места!» Это сегодня процесс обучения дирижированию упрощён до минимума и «на дирижера» учат во всех крупных городах страны.

Но и в этой непростой ситуации — опять помог случай! На одной из репетиций школьного оркестра Григорий Кондратьевич⁹, заметив мои горящие недетским интересом глаза, предложил встать за пульт... Несколько тактов «Неоконченной» Шуберта... Получилось!.. В результате мне было доверено продирижировать на отчетном концерте школы первую часть соль-минорной симфонии Моцарта. Немудрено, что в глазах культурной общественности города я сразу стал вундеркиндом.

Д. Б. Будучи учеником школы-десятилетки, играли ли вы в школьном симфоническом оркестре?

Ю. С. Не только играл, но даже успел поработать в нем. И вновь — случай! Поступив в десятилетку, я попал в школьный оркестр, руководимый опытейшим педагогом детских оркестров Д. А. Румшевичем¹⁰, которому мой первый наставник по дирижированию Григорий Кондратьевич написал рекомендательное письмо. Слова одобрения в мой адрес сыграли свою роль, поскольку Дмитрий Андреевич немедленно посадил меня на место концертмейстера 2-х скрипок, а вскоре стал доверять работу по «воспитанию» более юных учеников школы. Заметив мою энергию, проявлявшуюся в волевом стиле игры, он поручил мне присматривать за меньшими братьями по цеху, а убедившись, что меня можно использовать в самостоятельной работе, оформил на штатное место, о чём свидетельствует первая запись в моей трудовой книжке. Таким образом, будучи **учеником 8-го класса школы-десятилетки**, я был официально принят на работу **ассистентом дирижера** в оркестр школы. Кроме того, мне изредка приходилось подменять Дмитрия Андреевича (по его просьбе) в музыкальных школах Фрунзенского и Ленинского районов города.

Дмитрий Андреевич был, как говорится, «от бога» приспособлен к общению с молодежью. Обладая природным педагогическим талантом, он виртуозно справлялся с любыми детскими шалостями и капризами, достигая в работе со школьными оркестрами прекрасных результатов. Звание «Дирижёр детских оркестров», которое ему «за глаза» присвоили, его не унижало. В процессе работы он всегда выглядел увлечённым и счастливым. Казалось, он абсолютно не страдает от того, что его

⁷ **Сергеева** Александра Сергеевна (1900–1990) и **Симонов** Иван Иванович (1889–1941?) — артисты хора Саратовского театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского (альт и тенор).

⁸ **Мандель** Анна Михайловна (1909–1993) — концертмейстер оркестра Саратовского театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского и педагог по скрипке в Музыкальном училище и Республиканской школе-семилетке. Училась в Одессе у профессора П. С. Столярского и в Москве у профессора А. И. Ямпольского.

⁹ **Ершов** Григорий Кондратьевич (1882–1964) — дирижёр оркестра Саратовского драматического театра имени К. Маркса и одновременно — руководитель оркестра в Республиканской музыкальной школе-семилетке. Мой первый учитель по дирижированию.

¹⁰ **Румшевич** Дмитрий Андреевич (1908–1995) — дирижёр-педагог оркестра школы-десятилетки при Ленинградской консерватории и еще нескольких музыкальных школ Ленинграда.

«Хочу быть дирижёром!»

не приглашают во «взрослые» профессиональные коллективы... Сегодня совершенно ясно, что это был **идеальный воспитатель молодого поколения оркестровых музыкантов**, которые, получив на всю жизнь *правильную школу и серьёзную профессиональную закалку*, смело и без особых проблем вливались в многочисленные оркестровые коллективы города.

Мне повезло: находясь в течение четырёх лет рядом с Дмитрием Андреевичем, я изучал премудрости дирижёрской профессии с азов, пройдя весь процесс подготовки к оркестровым репетициям и концертам с самого начала. В конкретном случае это означало: уметь правильно расставлять пульта и стулья, раскладывать ноты, чинить карандаши, помогать ученикам младших классов настраивать инструменты, разучивать с ними трудные места и проводить групповые репетиции. Позже все эти навыки пригодились мне в консерватории, где всё, чему я научился, переросло в стойкие профессиональные рефлексы, с помощью которых можно было смело продвигаться вперёд — навстречу любым испытаниям и творческим поискам.

Д. Б. *Расскажите, пожалуйста, о ваших школьных годах. Какие воспоминания у вас остались от учебы в десятилетке? Можете ли вы вспомнить самые яркие профессиональные впечатления школьных лет?*

Ю. С. Одно из ярких впечатлений связано с моим увлечением игрой в квартете, которое началась в первый же год учёбы в школе. Несмотря на загруженность общеобразовательными предметами, мне и ещё трём творчески заряженным школьникам пришла мысль организовать в струнный квартет. И тут же, как по волшебству, мы оказались «при деле»! Нас попросили на открытом композиторском экзамене впервые исполнить почти законченный Первый струнный квартет Валерия Гаврилина¹¹. Для большинства из нас это было очень удобно, поскольку только виолончелист Дима Левин приходил на репетиции из дома, а остальные члены ансамбля — альтист Коля Кокушин, второй скрипач Марик Белодубровский и я — жили в интернате. Валерий регулярно приходил на все наши репетиции. С гордостью могу сказать, что некоторые штрихи и динамическая ретушь в скрипичных и альтовой партиях были внесены им в партитуру не без моего участия.

Первое исполнение струнного квартета № 1 В. Гаврилина.

Слева направо: Ю. Симонов, Н. Кокушин, В. Гаврилин, И. Гринман, Д. Левин. 1958 год

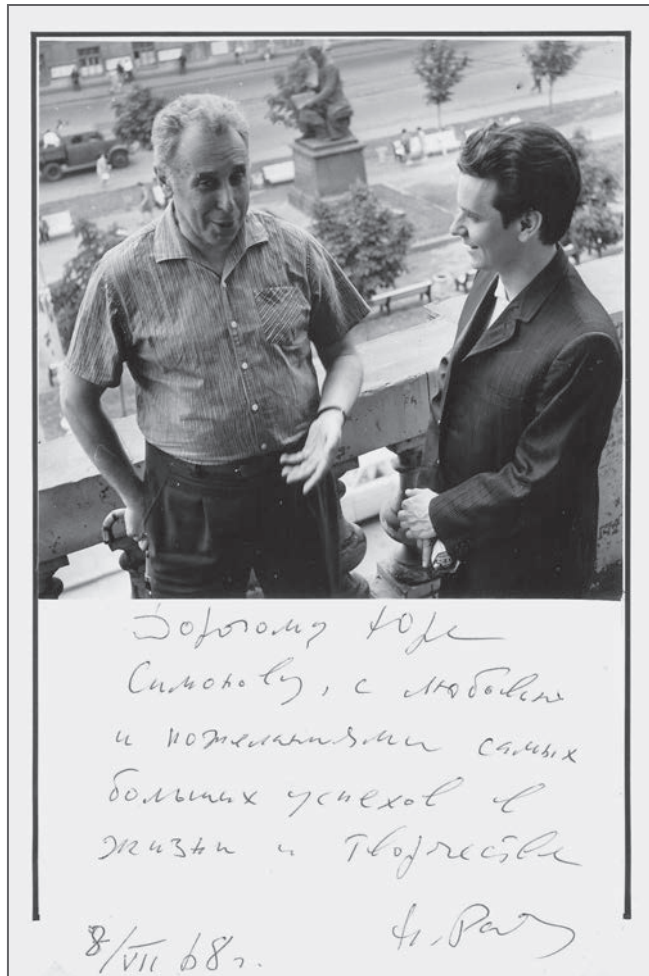
Концерт школы-десятилетки в Большом зале Ленинградской филармонии.

Дирижер — Д. А. Румшевич, солистка — А. Майзель, концертмейстер — Ю. Симонов

Но это было только начало. Желание музицировать в ансамбле не пропало у меня при переходе в консерваторию и даже помогло организовать новый коллектив. Трудно поверить, но этот квартет оказался *полностью «интернатским»*. Спустя два года именно он занял одно из призовых мест за исполнение нашумевшего в те годы Восьмого квартета Д. Д. Шостаковича. Тогда в составе квартета были: В. Малинов, М. Белодубровский, Ю. Симонов и В. Найдёнов. Как видно из перечисления состава, тогда я уже играл на альте.

Не могу забыть выступления симфонического оркестра десятилетки под управлением Д. А. Румшевича в зале Ленинградской филармонии. Одно из них почему-то запечатлелось в моей памяти как особо яркое. А именно: исполнение фортепианного концерта Ф. Мендельсона очень музыкальной девочкой Анеттой Майзель — кажется, ученицей Л. И. Зелихман.

¹¹ **Гаврилин** Валерий Александрович (1939–1999) — замечательный русский композитор, мой сосед по интернату.

Фотография с дарственной надписью Н. С. Рабиновича:
«Дорогому Юре Симонову, с любовью и пожеланиями самых больших успехов в жизни и творчестве. 8/VII 68 г.»

Ещё запомнилось участие *старшего оркестра школы* в программе, которую в 1959 году подготавливал для концерта в консерваторском Зале имени А. К. Глазунова мой будущий педагог по дирижированию Н. С. Рабинович¹². Тогда оркестр школы разучивал в нашем зале Четвёртую симфонию Брукнера и на последнем этапе — перед концертом — был усилен студентами консерватории. Мне посчастливилось играть в этом на время «позрелшем» коллективе в группе 1-х скрипок...

Но, пожалуй, главное и самое сильное воспоминание о *школе и интернате* — регулярные прослушивания пластинок с записями музыки Прокофьева и Шостаковича. Это определило становление, направление и развитие моего музыкального кредо. Именно тогда, почувствовав вкус к интерпретации *новой* для меня музыки, я понял — *как* надо играть старую.

Это и стало фундаментом всей моей будущей дирижёрской работы!

Д. Б. Кого из школьных учителей вы хотели бы вспомнить сегодня?

Ю. С. Как ни странно, сегодня я с легкостью могу перечислить имена почти всех педагогов, имена которых детская память так надолго запечатлела.

Руководство школы:

Велтистова Мария Константиновна — директор.

Шипулин Владимир Германович — директор.

Саркисян Елизавета Мартыновна — заведующая учебной частью.

Педагоги по предметам:

Агафонова Мария Ивановна — преподаватель литературы.

Наумова Нелли Наумовна — преподаватель литературы.

Мирский Юлий Аронович — преподаватель физики.

Маркон Софья Исааковна — преподаватель химии.

Блохин Дмитрий Александрович — преподаватель математики.

Нестерова Анна Васильевна — преподаватель географии.

Забокрицкий Соломон Исаакович — преподаватель физкультуры.

Борейша Самуил Захарович — строевая подготовка (военрук).

Педагоги по музыкальным дисциплинам:

Беляков Михаил Михайлович — мой первый педагог по скрипке (1956–1958).

Этигон Ирина Львовна — мой второй педагог по скрипке (1958–1960).

Румшевич Дмитрий Андреевич — дирижёр школьного оркестра.

Вургафт Рашель Арнольдовна — преподаватель музыкальной литературы.

Розенблюм Фаина Абрамовна — педагог по общему курсу фортепиано.

Закончил перечислять и ощутил странное чувство радости, близкой к нежности! Какое-то совершенно «необыкновенное чудо»! Оказалось, что вспоминать приятно *буквально обо всех!* В какой-то степени — это немного странно, ведь оценки моей успеваемости по предметам я получал всякие (не только пятёрки) — вполне мог бы затаить на кого-нибудь из педагогов обиду...

Конечно, все педагоги были разными — как по степени компетентности, так и по стилю преподавания.

¹² **Рабинович** Николай Семёнович (1906–1972) — дирижёр, профессор, заведующий кафедрой оперно-симфонического дирижирования Ленинградской консерватории. Среди его учеников: Р. Абдуллаев, Й. Алекса, Ю. Аранович, А. Дмитриев, Г. Жемчужин, Т. Зандерлинг, Э. Клас, М. Нерсесян, Ю. Николаевский, Ю. Симонов, А. Скульский, М. Эрмлер, М. Янсон, Н. Ярви и др.

«Хочу быть дирижёром!»

Однако, человеческими качествами — особо важными для нас, подростков из провинции, а именно: добротой и терпимостью — они обладали в избытке. Видимо, они понимали (или чувствовали?), что находятся в особом месте, где преподают молодым людям с нестандартной психикой и необычной судьбой, готовящей нас к чему-то загадочному, не совсем им понятному.

У каждого из них были свои любимчики, которых они вызывали к доске чаще других, тем самым выделяя их из общего числа. К остальным же, включая тех, кто не проявлял интереса к предмету и даже не скрывал этого, они относились ровно, не требуя от них того, чего те не могли дать.

У нас — среди педагогов — также были любимчики. Первым, как мне казалось, был преподаватель физики Юлий Аронович Мирский — седоватый мужчина лет шестидесяти с короткой стрижкой и очками, которые издали можно было принять за пенсне. У него был крючковатый, слегка красноватый на кончике нос и подчеркнута строгое, как у кардинала Ришелье, лицо. Казалось, он вообще не умеет улыбаться. Зато, когда это неожиданно для нас случалось, выражение лица напоминало добродушно настроенного Мравинского. Правда, Юлий Аронович был заметно ниже Евгения Александровича, и мы между собой ласково называли его «Клюв Ворóныч!»

Был ли он строгим? Скорее, да. Но в этой внешней строгости никогда не ощущался привкус злости. На грустном и сосредоточенном лице читалось: «Бедные!.. Ну что с вас взять?.. Видимо, опять придётся делать вид, что не заметил вашего невежества!..» Хорошо помню день, когда получил от него самую *низкую* из всех возможных оценку, которую он потом — в конце четверти, попирая все физические законы — виртуозно «преобразовал» до уровня вполне устраивающей меня *средней величины*.

Моё отношение к физике как к предмету было более терпимым, чем к химии и, в особенности, к тригонометрии, которую зачем-то на несколько месяцев ввели в курс, кажется, в одиннадцатом классе. Её я просто ненавидел! Однако уровень моей эрудиции относительно физических законов также не был высоким. Кроме того, я постоянно не успевал подготовиться к уроку, поскольку два раза в неделю был занят ассистентской работой в музыкальных школах, куда меня как своего помощника регулярно посылал Д. А. Румшевич, а также не забывал усердно слушать в интернатской умывалке новую для себя музыку... Оставшееся время забирала игра в квартете. А ведь надо ещё было не забыть позаниматься на скрипке, которая считалась моим основным предметом. В конце концов, именно благодаря ей я попал в Ленинград... Словом — полный цейтнот!..

Итак — кабинет физики. Сажу за партой и судорожно листаю учебник, пытаюсь угадать: что же сегодня может спросить меня этот строгий, хотя и симпатичный старичок. Вдруг слышу: «К доске пойдет...», — я, как обычно, зажмурился, надеясь, что опять пронесет... На этот

раз не помогло... — «Симонов!», — быстро, словно боясь передумать, выпалил он. Бодро встаю и уверенно, *но неторопливо* иду к доске. Далее — сцена.

Юлий Аронович: «Возьмите мелок!» Разумеется, я беру мелок. Ю. А.: «Напишите-ка мне...», — немного задумавшись (видимо, подбирает пытку пострашнее), — объединенный закон Бойля-Мариотта — Гей-Люссака — Шарля — „Q“ равно!..» — торжественно, в стиле популярного в те годы конференсье эстрадных концертов Бориса Брунова, наконец, заканчивает он.

Стараясь не выглядеть озадаченным, подхожу к доске и смело провожу мелком горизонтальную линию. Это движение я хорошо изучил, поскольку не раз наблюдал, *как* это делали другие. Помню также, что *над* этой линией (как и *под* ней) мне предстоит начертать некие латинские буквы, а, возможно, даже, арабские цифры. Пока я ещё не решил — какие, но, надеюсь, через некоторое время мне удастся сосредоточиться, вспомнить эти загадочные знаки и изобразить их на доске в виде дроби. Продолжая соображать, я машинально рисую слева от линии знак равенства, а еще левее — проклятую букву Q.

Тем временем Юлий Аронович, поняв, что быстро ждать от меня результата было с его стороны наивно, отворачивается от доски и начинает что-то «искать» в классном журнале... Старорежимная интеллигентность!..

Пока я, усиленно напрягаясь, пытаюсь хоть что-то вспомнить, время не стоит на месте. Проходит минута или, может быть, полторы, которые кажутся мне полчасовым позором. Уши (видимо, от стыда) начинают нагреваться... Кажется, всему классу заметно, *как* они покраснели... Начинаю слегка потеть... Но тут Юлий Аронович, наконец, поворачивается. Подчеркнуто спокойно сняв очки, он кладёт их на стол и, потирая руки (конечно, не от удовольствия), поднимает глаза в сторону доски и видит... всё ту же латинскую букву Q со знаком равенства и горизонтальной чертой справа, подле которой — ни сверху, ни снизу — так ничего и не появилось.

Слегка развернув свой стул в мою сторону, словно надеясь, что этот его маневр, наконец, мне поможет, он некоторое время внимательно смотрит на меня, видимо, пытаюсь угадать: имею ли я в запасе хоть что-нибудь? Наконец, после небольшой паузы он, медленно набрав воздух, торжественно задает мне первый и последний вопрос: «Всё?» При этом буква «ё» в его исполнении — как у внезапно потерявшего голос тенора — слегка взвизгивает... Убедившись, что я даже не пытаюсь что-то сказать, он разворачивается в сторону стола, берёт очки, медленно их надевает и торжественно объявляет: «Садитесь... Единица!» И тут же с видом ворона, нашедшего, наконец, добычу, наклоняется над журналом... Поскольку я стою почти рядом, то хорошо вижу, как кончик стального пера «Ласточка» делает в клеточке против моей фамилии совершенно характерное и такое простое, словно надрез скальпеля, короткое вертикальное движение...

В 8 классе.
Третий справа —
Ю. Симонов.
Апрель 1957 года

Химию вела Софья Исааковна Маркон — энергичная и особо темпераментная женщина. Её сыном был Марк Комиссаров — известный в те годы скрипач, один из лауреатов конкурса имени Г. Венявского!

...Пробирки с разноцветными жидкостями никогда не возбуждали моё любопытство. Более того — я на них даже не смотрел. Возможно, поэтому Софья Исааковна не обращала на меня никакого внимания. Слово меня в классе вообще не было. Хотя изредка я замечал, что украдкой она всё же поглядывала в мою сторону. Возможно, ей кто-нибудь про меня что-то сказал? Но что?!..

Зато она любила на весь класс громко шутить. Любимой мишенью её шуток (после изложения сути очередной химической формулы) была Наташа Котляревская — старшая дочка известного в Ленинграде композитора.

Наташа была красивой, рослой блондинкой с длинной, ниже пояса русой косой. Настоящая Василиса Прекрасная! У Софьи Исааковны волосы были черные с проседью. Она напоминала мне жену А. И. Райкина, с которым я познакомился в 1957 году во время Фестиваля молодежи и студентов — прямо около ДК имени Первой пятилетки. (Сейчас на этом месте стоит здание Мариинки-2.) Встреча состоялась после программы, которую Райкин только что отыграл, и которая называлась «Зависит от нас!». Аркадий Исаакович с грустным лицом сидел на скамейке недалеко от входа в зал и ждал машину. Я поздоровался, поблагодарил за удовольствие видеть его так близко, и мы немного поговорили

о Фестивале. Он удивился, что я так молод, но уже имею на белой рубашке значок Лауреата Фестиваля. Пришлось объяснить, что играю в симфоническом оркестре школы-десятилетки, который удостоился чести участвовать в общем празднике. Он, как все по-настоящему великие люди, был доброжелателен и прост в обращении. Таким и запомнился мне. Хотя про него потом много всего говорили...

...Но почему Софья Исааковна так часто цеплялась к Наташе? Справедливости ради следует сказать, что все мы — каждый в свое время — попадались на её язычок. Позже мы поняли, что такая манера вести урок была её персональным стилем общения с аудиторией. Никто на это не обижался, хотя все чувствовали, что она нас не очень жаловала: ругала за медленную сообразительность, недостаток любопытства, за отсутствие любознательности и интереса к наукам, что, конечно, было справедливо. Когда она подходила к концу изложения какой-нибудь темы, её голос накалялся, и, приближаясь к кульминации, она картинно закидывала голову вверх и как норовистая лошадь визгливым голосом постоянно курящей женщины выкрикивала: «Вы вообще (!) ... **ничего** не знаете и **знать не хотите!**» Но делала она это как-то театрально и беззлобно, в результате чего мы воспринимали её тирады как дети, вынужденные терпеливо сносить постоянное ворчание родителей.

И всё же самое загадочное было в том, что почти каждая ее тирада в наш адрес заканчивалась дежурной фразой: «А ты, Котляревская, тоже ничего не знаешь!

«Хочу быть дирижёром!»

И вообще!.. На твоей голове только мороженое носить!» Почему мороженое — никто и никогда понять так и не смог...

Д. Б. Кто из педагогов оказал на вас наибольшее влияние?

Ю. С. Любимым моим педагогом, как, впрочем, многих из нас, была Нелли Наумовна Наумова. Она так вдохновенно рассказывала про русскую литературу и про Тургенева, свою книжку о котором она подарила мне с дарственной надписью, что на ее уроках я отдыхал душой и забывал о трудностях своей перенасыщенной постоянным напряжением жизни.

Ей было за сорок. Очень полная, но всегда на высоких каблуках. Лицо, похожее на Галину Волчек, но тоньше и благороднее. В классе я только однажды с ней разговаривал, но зато один раз был у нее дома.

В тот период я особенно много занимался и очень устал: хотелось закончить школу как можно более подготовленным для поступления на дирижёрский факультет консерватории. Это влекло за собой регулярные перегрузки. Через какое-то время перенапряжение выразилось в резком упадке сил. Мне даже прописали несколько сеансов циркулярного душа на бульваре Профсоюзов...

Как-то после одного из последних уроков она задержалась у открытого настежь окна, чтобы покурить в пустом классе. Я решился подойти к ней.

«Почему ты такой бледный?», — спросила она. «Я теперь особенно много занимаюсь... Хотел вас спросить: могу ли я посоветоваться с вами по важному для меня вопросу?» «Сейчас мне некогда... Приходи к нам домой... Я живу на Кировском проспекте». Она назвала адрес и снова закурила. Курила она постоянно. Конечно, только на улице или после уроков.

Я без труда нашел дом. Позвонил. Она открыла, пригласила зайти в переднюю. Из большой комнаты доносились голоса: два мужских и женский... Я спросил: «Почему мне так трудно всё дается? И как быть с этим дальше?» Она вздохнула и медленно, но с нажимом сказала: «Терпи!.. Сталь закаляется при сильном охлаждении!», — процитировала она Н. Островского. Были еще какие-то незначительные фразы, которые стерлись из памяти. Только помню, что я почему-то спросил: «А что вы сейчас делаете?» «В карты играем!» — не задумываясь быстро ответила она. Я был совершенно ошарашен. Как! Она! И вдруг — играет... в карты? Видимо, моё удивление было слишком явным, и она тут же отреагировала: «А что вечером делать-то!» И неожиданно для меня еще раз повторила: «Делать-то что?!...». Я извинился... Не стал ничего говорить и попрощался...

Д. Б. Вы жили в интернате школы. Чем запомнилась вам эта часть «десятилетней» жизни?

Ю. С. Как я уже говорил, сразу попасть в интернат мне не удалось. Пришлось некоторое время ночевать у своего профессора. Несмотря на безупречное отношение ко мне М. М. Белякова, его супруги Валентины Андреевны и приходящей домработницы, я очень скоро

перестал чувствовать себя комфортно, поскольку утром быть учеником, а вечером — членом семьи» оказалось не так просто. После двухнедельного пребывания в квартире профессора я решил как-то изменить своё положение. Мы скооперировались с Юрой Уваровым — пианистом из Омска, который был чуть старше меня, — и сняли так называемый «угол».

В детстве я имел опыт ночлега на сундуке у соседей, но то было в общей коммуналке. И вот теперь — целый угол! Мы нашли его на улице Герцена, как раз напротив «Союза композиторов», в большой, хотя и однокомнатной квартире с высоченными потолками.

Хозяйка показала нам с Юрой наше место. Память даже сохранила имя хозяйки: Мария Александровна Шабашова... В понятие «угол» входила одна кровать на двоих, причем за ширмой и действительно в углу — прямо около входной двери. Около противоположной стены в той же комнате стояла кровать самой хозяйки. В результате нам с тёзкой пришлось спать «валетами».

«Удовольствие» стоило 175 рублей в месяц — с каждого. Дороговато, но нас устраивало, поскольку весь день мы проводили в десятилетке, а домой приходили только ночевать. Главное достоинство — недалеко от школы и почти центр города! Прямо по пути — архитектурный модерн: Дом культуры Связи, в котором — кинотеатр (!), а за ним, если пройти по мостику через Мойку, можно попасть в баню, которая располагалась в угловом доме.

Ситуация с одной кроватью нас не смущала, поскольку в то благословенное время ни о каких подозрениях и тем более фантазиях на этот счет не могло быть и речи. Даже разговоров о том, что где-то, кто-то, с кем-то — не было, поскольку считалось, что этого «не может быть — просто потому, что не может быть никогда!» Правда, когда вспоминаешь об организованных походах интерната в баню на Пряжке, то перед глазами всплывает картинка, как в один из таких дней мы, тогда наивные мальчики, вдруг ощутили на себе хищный взгляд человека, пристально следящего за нами сквозь клубы пара и что-то бормотавшего посиневшими губами.

...Когда, наконец, ближе к зиме в интернате освободилось несколько коек, нас с Юрой поселили на втором этаже в спальне № 2 по левую сторону от входа. Дальше (если правильно помню) была дверь в комнату отдыха, где стояло пианино какой-то зарубежной фирмы. Напротив — дверь в общую умывалку, а чуть дальше по коридору — комната воспитателей. Старшей воспитательницей была Наталья Евгеньевна **Штейнберг** — будущая супруга Валерия Гаврилина, который уже в те годы начинал сочинять...

...Кроме нас с Юрой Уваровым в комнате было ещё пять человек. Теперь уже не помню, как именно сменялись обитатели комнаты и когда наша спальня «переехала» на другой этаж, но за четыре года жизни в интернате я довольно близко познакомился с одиннадцатью мальчиками. Сегодня по памяти могу перечислить всех, кого помню, хотя, возможно, это было в разное время (порядок алфавитный).

- Бахтенков** Володя (труба). Артист оркестра Ленинградской филармонии.
- Белодубровский** Марк (композитор). Живёт в Москве.
- Белоконь** Александр (контрабас). Женится на одной из воспитательниц.
- Гридчин** Валерий (кларнет). После окончания школы покончил с жизнью.
- Кокушин** Николай (альт). Играл со мной в квартете. Контактных не имею.
- Кудрявцев** Борис (тромбон). Работал в одном из ленинградских оркестров.
- Росин** Григорий (скрипка). Ученик Нины Бейлиной. Эмигрировал.
- Темирканов** Юрий (скрипка). Главный дирижер Заслуженного коллектива России и художественный руководитель Петербургской филармонии.
- Уваров** Юрий (фортепиано). Ходили слухи, что умер в Омске.
- Холостяков** Леонард (*Лерик*). Как виолончелист заканчивал у Фишмана, как пианист у Шварца. В консерватории учился дирижированию у Мусина. Открывал 2-й Всесоюзный конкурс дирижёров. Живёт в Германии.
- Эпельман** Михаил (скрипка). Работает в Израильском филармоническом оркестре.
- В соседних спальнях в эти же годы жили:
- Арзуманов** Валерий (композитор). Живёт во Франции.
- Банщиков** Геннадий (композитор). Работает в Петербургской консерватории.
- Волков** Соломон (скрипка). Живёт в США.
- Гаврилин** Валерий (композитор). К сожалению, ушел из жизни.
- Кочнев** Юрий (скрипка). Главный дирижёр Саратовского оперного театра.
- Сигитов** Сергей (теоретик). Работает в Петербурге.

Режим моей жизни в эти годы был следующим: вставал в 7.30, чтобы успеть позавтракать и не опоздать к 10.00 на уроки. После обеда — занимался на скрипке. В 17.00 — полдник, в 19.00 — ужин. После ужина самые «упертые» (целеустремленные!) шли «на этаж» — опять заниматься! Классы были разные: с инструментом (рояль или пианино) и без них. Мне инструмент был не нужен. (Я играл на скрипке, завещанной мне Г. К. Ершовым — моим первым учителем по дирижированию в саратовский период жизни. Это был немецкий инструмент фирмы «Штайнер». Не знаю, как скрипка попала в руки к Григорию Кондратьевичу. Говорили, что он воевал ещё в Первую мировую войну и мог получить её разными путями...)

Я записывался в класс без рояля и занимался там до десяти вечера. Потом — бегом в спальню, где в тумбочке меня ждал «второй ужин»: три-четыре ломтика чёрного хлеба, перемазанные горчицей и пересыпанные солью. Ведь после вечерних занятий ужин куда-то проваливался, и опять хотелось есть...

К моменту жизни в интернате я был окончательно заражён бациллой дирижирования. Как раз в это время все, кто был одержим новыми музыкальными течениями, вздохом слушали пластинки, крутя их на радиоле, переносимой для этой цели из общей комнаты отдыха на 2-м этаже в расположенную напротив умывалку. После прослушивания надо было не забыть вернуть радиолу на место, поскольку не всем живущим в интернате было интересно слушать малопонятные «симфонии». Немудрено, что в компании более продвинутых в сфере современной музыки ребят, поступивших в школу раньше меня, таких, как Гена Банщиков, Марик Белодубровский, Серёжа Сигитов и Лерик Холостяков, я очень скоро пристрастился к этому занятию. По нескольку раз в день, иногда споря, иногда в тишине — мы снова и снова переслушивали пластинки.

Их было немало: Первая, Пятая, Седьмая симфонии Прокофьева, его же Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта», сюиты из «Золушки», «Петя и волк», симфонии Шостаковича — с Первой по Десятую (за исключением Второй и Третьей). Помню своё особое, восторженное состояние, когда поразившая меня новизной языка музыка неожиданно стала открываться мне в интерпретациях Мравинского, Элиасберга, Самосуда, Стасевича, Рахлина... За годы жизни в интернате я настолько свыкся с погружением в этот завораживающий мир оркестрового звучания, что — стыдно признаться — скрипка как сольный инструмент окончательно отошла для меня на второй план.

Д. Б. *Помните ли вы свои «шалости» и «проделки» школьных лет? Как вы веселились в то время?*

Ю. С. Я никогда не стремился к веселью. Меня это не интересовало, поскольку с детства привык беречь время. Стараясь не тратить его «просто так», я инстинктивно избегал всякого рода сборищ. Оказавшись не по своей воле в компании, быстро начинал раздражаться и старался поскорее сбежать.

К алкоголю не тянуло. Правда, однажды, неожиданно для себя, я всё-таки «попался». Было это на майские праздники в 1959-м или 1960 году. Живших со мной в одной комнате мальчиков теперь совершенно не помню, поскольку спальню, в которой я жил до этого, неожиданно расформировали, и меня временно разместили на третьем этаже в комнате с совершенно незнакомыми мне ребятами. Когда они захотели «отметить» Первое Мая, то на стол поставили бутылку какой-то мутноватой жидкости. Хотя это явно была не водка, я почему-то немедленно сообщил всем, что не пью. Тогда старший по комнате патетически объявил, что это «Советское виски!», и мне опасаться нечего.

В те годы в отделах магазинов, торгующих алкоголем, среди знакомых этикеток начали мелькать «свежие названия», звучащие по-западному привлекательно для слуха обывателя, любопытного до всего необычного. Мне показалось, что я где-то уже слышал это «заграничное» слово *виски*, но не представлял себе конкретно — что это? Поэтому, когда кто-то из моей новой

«Хочу быть дирижёром!»

компании на вопрос о «классификации» напитка заметил, что это что-то типа лимонада, я успокоился. Подумалось: ну, ничего. Чтобы новые соседи отстали — хлопну стакан и незаметно исчезну. Но тут сразу возникла небольшая заминка: чем закусывать? В тумбочках (как уже упоминалось) был только чёрный хлеб с горчицей. Ближайшие магазины закрыты... Не в Елисеевский же ехать! Да и денег таких нет... Кто-то обнаружил под кроватью ящик от старой родительской посылки, а в нём — завалившуюся редиску. Я вызвался порезать её на ломтики: получилось с десяток полупрозрачных лепестков... Чтобы скорее отделаться, я налил чуть больше полстакана и, быстро вылив в себя, закусил лепестком редиски. Ребята одобритительно присвистнули, сказав что-то вроде: «Ничего себе! Тихоня...» и т.п.

Улучив время, я решил слинять. Но, сделав движение, чтобы встать, почувствовал, что встать-то не могу: ноги стали «ватными»! Я испугался. А когда вдруг побледнел — испугались мои новые товарищи по комнате... Спустя некоторое время меня пришлось выгуливать на свежем воздухе... Так я прошел «боевое крещение» в стенах ленинградского интерната.

Другой случай «веселья» был связан с бустом В. И. Ленина в комнате под названием «Красный уголок». Одно из будущих светил музыкального искусства — Соломон Волков (Мончик), заработавший популярность своей на шумевшей книгой о Д. Д. Шостаковиче (кстати, недавно вышла его новая книга о Большом театре), — решил позабавиться сам и повеселить других, «разыграв» одного из скрипачей — Володю Ф., который был на редкость наивным и очень впечатлительным мальчиком. Нельзя сказать, что неадекватным — просто был легко возбудимым. Видимо, Соломон решил сыграть именно на этом качестве характера Володи. Разработав до мельчайших подробностей план — как теперь модно выражаться, «крутого шоу» — он взял на себя общее руководство. Двое ребят были привлечены в качестве ассистентов.

Началась психическая обработка «клиента». Володе стали исподволь внушать, что «некто» (конечно, американский агент!) очень заинтересовался им и хочет помочь ему бежать за границу, но поскольку «там» ему еще *не полностью* доверяют, то, чтобы убедиться в его стопроцентной надёжности (то есть что он действительно «созрел» для такого ответственного шага), необходимо провести соответствующую проверку. Для этого он должен ночью (!) проникнуть в Красный уголок, где под бюстом Ленина найдет портативный магнитофон. Включив его, он услышит голос агента, который продиктует ему задание. Если Володя его **правильно** выполнит, то это будет

На набережной Мойки. 1958 год

Здание школы-десятилетки (пер. Матвеева 2). 1958 год

означать, что он прошел проверку и «его вопрос» будет решен **положительно**.

Спустя приблизительно месяц была назначена ночь, когда контакт с голосом агента должен был, наконец, состояться. К этому времени Володя заметно похудел, лицо (как нам всем казалось) стало бледнее обычного, да и ходить он стал более пружинистым и, в то же время, слегка заторможенным шагом, часто озираясь вокруг, — точь-в-точь, как осваивающий незнакомую территорию хищник. Кто-то из посвящённых в тайну даже начал жалеть его.

Наконец заветная ночь наступила. Встреча с голосом агента должна была происходить у бюста Ленина, а финал всего действия — в нашей спальне. Мончик с двумя помощниками контролировали дебют в темном Красном уголке (свет включать запрещалось!).

Володя подкрался к бюсту и дрожащей рукой нащупал кассетный магнитофон. Нажав клавишу, услышал скрипучий голос «агента», который сообщил намертво испуганному Володе, что он должен **прямо сейчас** войти в спальню № 2. Потом, не зажигая света, тихо подойти к кровати Валеры Г. и, нащупав в левом

внутреннем кармане висящего на спинке стула пиджака записку, тихо выйти из комнаты и **только потом** прочитать инструкцию о том, что делать дальше!

Как позднее рассказывали прятавшиеся за портьерами Красного уголка ассистенты Соломона, Володя, дрожа всем телом, вышел в коридор и, подойдя к спальне, тихо открыл дверь. Крадучись подошел к кровати Валерия, но как только запустил руку во внутренний карман пиджака, обитатели спальни, у которых были заранее приготовлены фонарики, включили их, одновременно направив свет в лицо Володи, а лежавший около входа в комнату Саша Б. резко включил *верхний* свет. При этом все остальные обитатели спальни — вместе с двумя подоспевшими из Красного уголка — страшными голосами заорали. Каждый — что попало!..

Бедный Володя! Трудно представить, **какой** испуг он пережил! Сегодня, вспоминая об этой «шалости», стоит поблагодарить судьбу, что в ту ночь Володя не умер от страха. Тогда никто не осознавал реальную опасность этой глупой затеи. Но что делать... В те годы такие грубые и дурацкие шутки были в моде. Ведь мобильных, интернета и наркотиков ещё не было, а «развлечься» молодым всегда хочется.

Д. Б. Как часто вы ходили на концерты симфонической музыки? На концертах каких выдающихся дирижеров и оркестров вам посчастливилось побывать?

Ю. С. В те памятные годы мы стали свидетелями не только редких, но и особо важных творческих событий — таких, например, как приезд в СССР и дирижирование своими сочинениями И. Ф. Стравинского, или выступление поразившего всех нас пианиста Глена Гульда...

Но, конечно, самые сильные впечатления были связаны с посещением Большого зала Ленинградской филармонии. В компании с интернатскими ребятами я посещал репетиции и концерты Е. Мравинского, К. Элиасберга, К. Зандерлинга, Н. Рахлина, К. Кондрашина, а также крупных зарубежных дирижеров, которые в послевоенные годы начали снова приезжать в нашу страну. Но особо поучительной для нас была возможность наблюдать за работой этих мастеров с Заслуженным коллективом Республики — оркестром Е. А. Мравинского. Это были: Герман **Абендрот**, Карл **Бём**, Франц **Конвичный**, Леопольд **Стоковский**, Джордж **Сэлл**, Константин **Сильвестри**, Карло **Цекки**, Игорь **Маркевич**, Герберт **Караян**, Лорин **Маазель** и Гюнтер **Ванд**.

Кроме того, в эти же годы Госконцерт СССР начал приглашать зарубежные оркестровые коллективы вместе с их главными дирижёрами. Именно тогда мне удалось услышать и увидеть:

Чикагский симфонический
с сэром Джоном Барбиролли,

Нью-Йоркскую филармонию с Леонардом Бернштайном и Томасом Шипперсом,
Бостонский симфонический
с Шарлем Мюншем и Пьером Монте,
Лондонский с Адрианом Боултом
и Малькольмом Сарджентом,
Филадельфийский с Юджином Орманди,
Чешский филармонический оркестр во главе
с Карелом Анчерлом,
Гевандхауз и **Штатскапеллу Берлина** —
с Францем Конвичным,
Бухарестский оркестр с Джоржем Джоржеску
и Мирчей Басарабом,
Национальный оркестр Французского радио
с Андрэ Клюитансом, который позже возглавил
Бельгийский Национальный оркестр (ONB),
который (в свою очередь) в 1994 году пригласил меня
занять пост Музыкального директора ONB
вплоть до 2002 года.

* * *

Вспоминая знаменитые оркестры и дирижеров, работу которых удалось наблюдать, ощущаю себя счастливым, поскольку подобное тому, **что** моему поколению удалось увидеть живьем, вряд ли увидят и услышат мои ученики.

Одновременно с этим немного завидую моим педагогам, которые были свидетелями выступлений дирижеров еще более старшего поколения. Ведь именно под воздействием впечатлений от уровня **их** дирижёрского искусства началось развитие отечественного профессионального дирижирования, достигшее настоящего расцвета к середине прошлого века.

К сожалению, с каждым годом профессиональный уровень дирижеров и оркестров становится скромнее. Видимо, под влиянием развития технологий — во всех сферах жизни — духовная составляющая музыкального искусства, в том числе и дирижёрского, видоизменяется, теряя свою созидательную силу. Во всяком случае, признаки упадка художественного уровня нашей профессии просматриваются всё явственнее!

Хочется надеяться, что новое поколение честных и талантливых продолжателей нашего дела сумеет правильно оценить ситуацию и не позволит окончательно уничтожить дирижёрское исполнительское искусство. Что касается старшего поколения, то нам следует продолжать делать всё возможное, чтобы в ближайшие десятилетия этого не случилось!

2 августа 2019 года.
Будапешт — Москва.
С Ю. И. Симоновым беседовал
Д. Ю. Брагинский